



Миф дуполярности: Как понимать стратегическое соперничество в глобализованном мире

Франк Хагеманн

Европейский центр исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла, <http://www.marshallcenter.org>

Аннотация: Цель этого выпуска *Connections* – рассмотреть различные аспекты и последствия стратегического соперничества в глобализованном мире. Международная политика не будет формироваться исключительно двумя сверхдержавами – США и Китаем – борющимися за доминирование в разных регионах мира. На исход этого соперничества будут влиять и другие государства и группы государств. Изучение более сложной картины игроков позволяет по-новому взглянуть на существующие политические и экономические проблемы и облегчает подходы к сближению с неприсоединившимися странами.

Выпуск начинается рассмотрением главных участников международной политики, после чего мы перейдём к различным регионам мира, важным для стратегического соперничества. Далее рассмотрены общие тенденции и темы, существенно влияющие на глобальный исход этого соперничества. В заключении предлагаются основные выводы: Политический Запад поступит мудро, признав оценки и потребности неприсоединившихся стран в условиях стратегического соперничества. В этом контексте Китай и Россия видятся противниками Запада. Их нарративы находят сильный отклик во многих странах Глобального Юга. Политический Запад должен вернуть себе инициативу и активно продвигать свои конкурентные преимущества. Важная роль здесь принадлежит Индии. Поддержка формирования ещё одного полюса в Южной Азии и содействие основанному на правилах либеральному мировому порядку могли бы помочь сдерживать двусторонние конфликты и снизить напряжённость как на глобальном, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: стратегическое соперничество, великие державы, противоборство, международная система, мировой порядок, Холодная война, глобализация, соперничество великих держав.

Вступление

Мир вступает в новую эпоху стратегического соперничества крупных держав. Антизападные недемократические игроки бросают вызов основанному на правилах либеральному мировому порядку, возникшему после 1990 года. Очевидно, что международная система претерпевает фундаментальную трансформацию, но конечное направление этих изменений остаётся неопределённым. Многие наблюдатели, особенно в Северной Америке, Китае и Европе, воспринимают этот зарождающийся порядок в первую очередь как двуполярное соперничество Китая и США.¹ Китайско-американский антагонизм, несомненно, является ключевым фактором происходящих структурных изменений. Однако с этим не согласны в России и других частях света. Многие наблюдатели из стран Глобального Юга и кое-кто на политическом Западе² отрицают, что международная система движется к двуполярности. Вместо этого они утверждают, что формируется многополярный порядок.³ Данная проблема выходит за рамки простого терминологического спора. Фактически, главный вопрос состоит в том, определяют ли исход этого стратегического соперничества две сверхдержавы, или же другие государства и группы государств тоже будут играть заметную роль в формировании его курса.

На этом фоне, в данном выпуске *Connections* мы рассмотрим формирующуюся международную систему как можно шире. Три его раздела содержат:

1. анализ пяти ключевых игроков – США, Китая, России, Индии и Евросоюза (ЕС);
2. рассмотрение отдельных регионов, играющих в этом важную роль;
3. изучение общих тем, которые, вероятно, определяют будущую эволюцию стратегического соперничества.

¹ Stephanie Christine Winkler, "Strategic Competition and US-China Relations: A Conceptual Analysis," *The Chinese Journal of International Politics* 16, no. 3 (Autumn 2023): 333–356, <https://doi.org/10.1093/cjip/poad008>.

² Политический Запад и Политический Восток, а также Глобальный Север и Глобальный Юг – термины, объединяющие страны на основе их политических и социально-экономических характеристик. Политический Запад не ограничивается странами «западной» культуры, но охватывает политических союзников, включая страны НАТО и ЕС, Израиль, Японию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию.

³ Тематический экскурс в эти дебаты можно найти, например, в "Is There Really a Cold War 2.0? Inside the Debate on How to Think about the U.S.-China Rivalry," *Flash Points, Foreign Policy*, June 11, 2023, <https://foreignpolicy.com/2023/06/11/new-cold-war-2-us-china-russia-geopolitics/>.

В результате в выпуске рассмотрены не только крупные державы и их действия в ключевых областях соперничества, но и внутренняя динамика различных регионов с учётом взглядов и интересов региональных игроков. Наконец, рассмотрены общие тенденции и темы, которые будут существенно влиять на итоги стратегического соперничества в глобальном масштабе.

Прежде чем перейти к ведущим игрокам, важно прояснить развивающуюся структуры и контекст стратегического соперничества. Хотя стратегическое соперничество стало определяющей чертой меняющейся глобальной картины, сам термин и лежащие в его основе понятия остаются сложными и спорными в научных и политических дискуссиях. В отличие от соперничества великих держав, в стратегическом соперничестве участвуют не только равные конкуренты. В нём задействованы стратегически важные региональные державы и транснациональные образования. Эта форма соперничества стирает грань между миром и войной, варьируя от сотрудничества до конкуренции и, порой, до конфликтов различной интенсивности. Она использует национальную мощь, включая дипломатические, информационные, военные и экономические инструменты. Кроме того, в этом состязании могут быть задействованы транснациональные угрозы и вызовы, такие, как терроризм, организованная преступность и использование миграции в качестве оружия. В «серой зоне» соперничества государства часто реагируют в нескольких областях, например, противодействуя военным действиям экономическими санкциями.⁴

При этом основное внимание обычно обращали на так называемые великие державы,⁵ чьё влияние значительно сильнее влияния средних региональных держав. Вопрос о том, сколько великих держав доминируют в международной системе, важен, поскольку ответ, по-видимому, существенно влияет на оценку пространства для манёвра других государств.⁶ Например, при сформировавшемся двуполярном порядке у большинства государств нет иного выбора, кроме присоединения к одной из двух сверхдержав. Хотя этот подход с ориентацией на великую державу имеет смысл,

⁴ Michael J. Mazarr, Bryan Frederick, and Yvonne K. Crane, "Understanding a New Era of Strategic Competition," Research Report RR-A290-4 (Santa Monica, CA: RAND, November 2022), <https://doi.org/10.7249/RRA290-4>; Christopher Paul et al., "The Role of Information in U.S. Concepts for Strategic Competition," Research Report RR-A1256-1 (Santa Monica, CA: RAND, 2022), 8-12, <https://doi.org/10.7249/RRA1256-1>.

⁵ Термин «великая держава» означает государство, которое нельзя игнорировать на мировой арене и без сотрудничества с которым не может быть решена ни одна глобальная проблема.

⁶ Kenneth N. Waltz, *Theory of International Politics* (Reading, MA: Addison-Wesley, 1979); Thomas F. Lynch III, "Major Findings on Contemporary Great Power Competition," in *Strategic Assessment 2020: Into a New Era of Great Power Competition*, ed. Thomas F. Lynch III (Washington, D.C.: NDU Press, November 2020), <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2404283/major-findings-on-contemporary-great-power-competition/>.

он игнорирует восприятие и действия других государств и групп государств. Не будучи крупными державами, эти государства важны, поскольку их поддержка может быть главным призом в соревновании. Можно даже сказать, что они поддерживают баланс сил, как утверждал Параг Кханна.⁷

Независимо от численного соотношения сил между крупными и средними державами, региональные игроки могут иметь значительное пространство для манёвра в отдельных регионах мира, важных для результата стратегического соперничества. Включение этих игроков и их способности ориентироваться в международной системе может дать более глубокое понимание её эволюции и степени доминирования крупных держав в ней. В этом и состоит одна из главных задач данного выпуска *Connections*.

Опасный нарратив новой Холодной войны

Авторитетные западные наблюдатели обсуждают возможность новой Холодной войны, которая снова разделит мир на Восток и Запад. Любопытно, что эту точку зрения разделяют не только многие политические аналитики,⁸ но и историки экономики, такие, как Нил Фергюсон,⁹ считающие, что мир возвращается к двуполярной системе, где неприсоединившиеся государства будут по сути играть роль, аналогичную той, которую они играли до 1989 года. Сторонники этой точки зрения указывают на параллели между сегодняшней ситуацией в мире и временами Холодной войны – в обоих случаях демократические государства противостоят авторитарным режимам. Однако это различие между государствами на основе их политической системы не даёт глубокого представления о структуре международной системы ни тогда, ни сейчас. Например, во время Холодной войны Индия была демократией, но не присоединилась к западному лагерю.¹⁰

После Второй мировой войны Соединённые Штаты не могли вмешиваться в мировые дела, не учитывая позицию Советского Союза, и наоборот. Двуполярная структура международной системы ограничивала свободу действий всех других государств. Они находились в сфере влияния США или

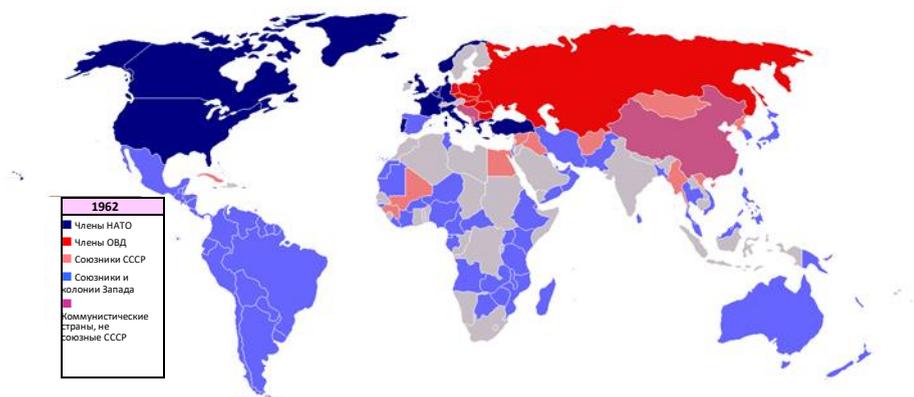
⁷ Parag Khanna, *The Second World: How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-first Century* (New York, NY: Random House, 2009).

⁸ Stephen G. Brooks and William C. Wohlforth, “The Myth of Multipolarity: American Power’s Staying Power,” *Foreign Affairs* 102, no. 3 (2023), www.foreignaffairs.com/united-states/china-multipolarity-myth; Elbridge Colby, “The Return of Strategic Competition: How to Execute and Sustain the National Security Strategy,” в “The Future of Conservative Internationalism,” сборнике эссе, изданном в Бивер-Крик, штат Колорадо, в июле 2019 г. Reagan Institute Strategy Group, <https://www.reaganfoundation.org/reagan-institute/publications/the-return-of-strategic-competition-how-to-execute-and-sustain-the-national-security-strategy/>.

⁹ Niall Ferguson, “America, China, Russia, and the Avalanche of History,” *Bloomberg*, May 20, 2022, www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-05-20/niall-ferguson-america-china-russia-and-the-avalanche-of-history.

¹⁰ Amit Ranjan, “India’s Foreign Policy: Shift, Adjustment and Continuity,” *The Round Table* 111, no. 3 (2022): 381-384, <https://doi.org/10.1080/00358533.2022.2082737>.

СССР.¹¹ Даже так называемые неприсоединившиеся страны тяготели к взаимодействию либо с Западным, либо с Восточным блоком. В случае конфликта региональные державы, такие, как Пакистан и Индия, часто искали поддержки сверхдержав. Эта динамика особенно очевидна для Индии, которая, несмотря на своё лидерство в движении неприсоединения, развивала тесные отношения с Советским Союзом, особенно в оборонном секторе.¹² Поэтому в тот период было практически невозможно оставаться стратегически самостоятельным: двуполярный мировой порядок оставлял мало места для избежания всеобъемлющего конфликта между США и СССР.



Карта 1. Карта мира времён Холодной войны, 1962.

Источник: Wikimedia Commons, https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:Cold_War_World_Map_1962.png

В отличие от Холодной войны, сегодня государствам не нужно присоединяться к одной из двух ведущих мировых национальных держав. Хотя Китай часто воспринимают как сильнейшего соперника Запада, у него нет обширной системы альянсов, подобной той, что была у Советского Союза. Например, часто упоминаемая Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) не является прочным союзом. ШОС занимается вопросами международного

¹¹ См. например, John Lewis Gaddis, *The Cold War: A New History* (New York: The Penguin Press, 2005), 20-25.

¹² Vojtech Mastny, "The Soviet Union's Partnership with India," *Journal of Cold War Studies* 12, no. 3 (Summer 2010): 50-90, https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00006.

сотрудничества в области безопасности, но не предусматривает обязательств взаимной обороны и не имеет военной командной структуры.¹³ С другой стороны, США остаются ведущей державой трансатлантического альянса. Однако Индо-Тихоокеанский регион – главный театр соперничества США и Китая – находится вне зоны действия договора НАТО. Вместо этого Вашингтон поддерживает двусторонние отношения в сфере безопасности с рядом стран Азии: Австралией, Японией, Филиппинами, Южной Кореей, Тайванем и Таиландом.¹⁴ В настоящее время многие государства даже в спорных районах Южной и Юго-Восточной Азии не видят необходимости вступать в союз с Китаем или Соединёнными Штатами, и эта тенденция вряд ли изменится в обозримом будущем.¹⁵

Другое важное различие касается восприятия угроз. Во время Холодной войны ситуация для демократических государств Западной Европы была относительно однозначной: Советский Союз явно был главной военной угрозой, и США тоже были сосредоточены преимущественно на противодействии советской угрозе. Это общее восприятие угрозы сильнее всего объединяло трансатлантическое сообщество.¹⁶ Сегодня картина гораздо сложнее. Для США самую большую угрозу представляет Китай, тогда как с точки зрения Европы, Россия снова стала главной угрозой региональной безопасности после полномасштабного вторжения в Украину.¹⁷ Поэтому нынешняя геополитическая ситуация очень отличается от картины времён Холодной войны.

¹³ Amjad Abbas Khan, "Security Environment in South Asia: The Role of the Shanghai Cooperation Organisation," в *China and South Asia: Changing Regional Dynamics, Development and Power Play*, ed. Rajiv Ranjan and Guo Changgang (London: Routledge India, 2021), 97-107.

¹⁴ Andrew M. Campbell, "Contending with a Rising China: A Comparative Study of Middle-Power Strategies in the Indo-Pacific," *Journal of Indo-Pacific Affairs* 6, no. 1 (2023): 49-74. https://media.defense.gov/2023/feb/02/2003154179/-1/-1/1/_jipa_january-february%202023.pdf; Thomas Wilkins, "Middle Power Hedging in the Era of Security/Economic Disconnect: Australia, Japan, and the 'Special Strategic Partnership'," *International Relations of the Asia-Pacific* 23, no. 1 (January 2023): 93-127, <https://doi.org/10.1093/irap/lcab023>.

¹⁵ Kishore Mahbubani, "Asia's Third Way: How ASEAN Survives—and Thrives—Amid Great-Power Competition," *Foreign Affairs* 102, no. 2 (March/April 2023), <https://www.foreignaffairs.com/southeast-asia/asias-third-way-asean-amid-great-power-competition>.

¹⁶ Общие ценности тоже были важным связующим элементом большинства стран Запада. Однако НАТО не всегда была альянсом демократических государств. Членство в НАТО сохраняли и диктатуры, например, Греция в 1967-1974 гг. и Турция после военных переворотов 1960 и 1980 гг.

¹⁷ Jana Puglierin and Pawel Zerka, "Keeping America Close, Russia Down, and China Far Away: How Europeans Navigate a Competitive World," *Policy Brief*, European Council on Foreign Relations, June 7, 2023, <https://ecfr.eu/publication/keeping-america-close-russia-down-and-china-far-away-how-europeans-navigate-a-competitive-world/>.

То же самое касается соотношения экономической мощи в сравнении с эпохой Холодной войны. В мировой экономике после Второй мировой войны доминировали прозападные государства. Даже в 1980-х годах они давали почти три четверти мирового валового внутреннего продукта (ВВП). Однако сегодня их доля снизилась примерно до 50 % (Табл. 1). Примечательно, что не только противники Политического Запада увеличили свою долю мирового ВВП – то же самое касается и стран Глобального Юга. Экономический вес неприсоединившихся государств сегодня намного больше, чем во времена Холодной войны, что противоречит идее формирования полноценной двуполярной системы.

Таблица 1. Доля в мировом ВВП в постоянных ценах 2015 года, дол. США.

Доля в мировом ВВП	1985	2022
Политический Запад	73 %	51 %
Политический Восток	9 %	20 %
Глобальный Юг	18 %	29 %

Источник: Статистический отдел ООН, <https://unstats.un.org/unsd/snaama/basic>.

В итоге, несмотря на важность двустороннего соперничества Китая и США, оно не является определяющей чертой нового международного порядка. Средние державы и группы государств в разных регионах мира теперь имеют больше рычагов, чем во времена Холодной войны.¹⁸

Заблуждения о новом международном порядке определяют неудачную политику

При рассмотрении формирующегося международного порядка отправной точкой для дальнейшего анализа служит соотношение военной мощи и экономических потенциалов. Региональные группировки и динамика тоже важны, особенно способность глобальных и региональных игроков применять силу в стратегически важных районах. Например, во время Холодной войны не имело значения, что ведущая страна Восточного блока экономически значительно уступала своему глобальному сопернику и не имела флота, способного бросить вызов США в мировом океане. Геополитическое

¹⁸ Aslı Aydıntaşbaş et al., “Strategic Interdependence: Europe’s New Approach in a World of Middle Powers,” Policy Brief, European Council on Foreign Relations, October 3, 2023, <https://ecfr.eu/publication/strategic-interdependence-europes-new-approach-in-a-world-of-middle-powers/>.

значение Советского Союза вытекало из мощи его сухопутных войск и способности доминировать в главном геостратегическом районе – сердце Евразии, по Хэлфорду Маккинтеру.¹⁹

Однако ведущими экономическими регионами мира были Северная Америка и Западная Европа, к которым позже присоединилась Япония. В силу своей геостратегической и геоэкономической значимости для обеих сверхдержав Западная Европа и, в меньшей степени, Восточная Азия стали главными аренами борьбы за превосходство. В 1943 году Николас Спайкмен определил эти два региона как основные театры потенциального будущего конфликта, утверждая, что баланс сил в Евразии напрямую влияет на безопасность Соединённых Штатов. Хотя Спайкмен умер в том же году, он стал одним из вдохновителей стратегий холодной войны США с 1947 года.²⁰ Эти стратегии уделяли важное значение контролю западноевропейских и восточноазиатских прибрежных вод и внутренних водоёмов, как ключа к безопасности берегов Северной Америки.²¹ Постоянное военное присутствие в таких странах, как Германия, Италия, Япония и Южная Корея, стало логическим результатом этого сдвига в политике безопасности США.

После окончания Холодной войны подъем Китая и других незападных государств существенно изменил соотношение сил в мире. В результате Восточная Азия и теперь уже объединенная Европа поменялись местами в качестве ключевых геостратегических и геоэкономических регионов мира. Кроме того, Южная и Юго-Восточная Азия позиционируют себя как четвёртый локомотив мировой экономики.²² Это существенные сдвиги, но некоторые важные элементы международной политики по сути остаются неизменными. Хотя военное и экономическое влияние России уменьшилось, страна сохранит свое геостратегическое положение в центре Евразии и способность применять силу в соседних регионах. Это особенно актуально для стратегического соперничества. В данном контексте и Азия, и Европа останутся ключевыми театрами будущих конфликтов или силового противостояния. Поэтому Соединённым Штатам было бы неразумно отходить от давнего проверенного принципа своей политики безопасности, сосредоточившись только на одном театре.

¹⁹ Halford Mackinder, "The Geographical Pivot to History," *The Geographical Journal* 23, no. 4 (1904): 421-437, <https://doi.org/10.2307/1775498>.

²⁰ Логику сдерживания первым отметил Джордж Кеннан в 1947 году, рассуждая о трудах Спайкмена. Antero Holmila, "Re-thinking Nicholas J. Spykman: From Historical Sociology to Balance of Power," *The International History Review* 42, no. 5 (2019): 951-966, <https://doi.org/10.1080/07075332.2019.1655469>.

²¹ Nicholas J. Spykman, *The Geography of the Peace* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1944), 49-55.

²² OECD, *Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2024: Developing amid Disaster Risks* (Paris: OECD Publishing, 2024), <https://doi.org/10.1787/3bbe7dfe-en>; V. Anantha Nageswaran and Gurvinder Kaur, "Don't Bet Against India: New Delhi's Brewing Economic Comeback," *Foreign Affairs* 102, no. 1 (January-February 2023), <https://www.foreignaffairs.com/india/dont-bet-against-india>

В стратегическом соперничестве участвуют не только Китай и США

Соперничество Китая и США, несомненно, является главной движущей силой стратегического соперничества. Однако другие государства и группы государств тоже влияют на исход этого глобального состязания. Поэтому пять статей в этом выпуске посвящены, возможно, главным игрокам в этом контексте. Наряду с Китаем и США, к ним относятся Евросоюз, Индия и Россия. Статья Май-Бритт Штумбаум и Шарон Де Се «'Закономерное возвращение' Китая в центр мировой политики – взгляд Пекина на стратегическое соперничество, движущие силы и альтернативные модели мирового порядка» отражает точку зрения китайского государственного и партийного руководства на стратегическое соперничество. Неудивительно, что двусторонняя борьба за мировое господство занимает центральное место в рассуждениях Пекина. В усилении роли и влияния Китая там видят возвращение к естественному положению дел. Компартия Китая (КПК), опираясь на древние представления и движимая историческим стремлением к контролю и доминированию, предлагает «сообщество общего будущего для человечества» как альтернативу западному порядку на основе правил. КПК продвигает иерархический мировой порядок, ориентированный на Китай, с Пекином в центре, взаимодействующий с подчинёнными государствами ради «общей выгоды».

Акцент на двуполярности формирующегося международного порядка разделяют и Пекин, и Вашингтон, что отражает американско- и китайско-центричные взгляды обеих столиц. Однако ключевые концепции, лежащие в основе понятия стратегического соперничества, были разработаны в США. В статье Мэтью Ноймайера «Стратегическое соперничество и национальные стратегии США» показано, как это помогло переосмыслить американские стратегические представления, особенно стратегию национальной безопасности и военные стратегии, и как эти документы определяют угрозы американскому лидерству и основанному на правилах международному порядку. При этом термин «стратегическое соперничество» в правительстве США понимают не одинаково, что приводит к разным точкам зрения на необходимые действия. Кроме того, он неадекватно описывает подход конкурентов к международному соперничеству, что создаёт риск просчёта и увеличивает вероятность конфликта. Поэтому хотя стратегическое соперничество служит основой американской стратегии и стратегических расчётов, это понятие остаётся несколько расплывчатым.

Многие наблюдатели в Вашингтоне и Пекине видят Россию второстепенной региональной державой в условиях стратегического соперничества. Однако Грэм Хёрд в своей статье «Атлантический англосаксонский рейх и всё такое: Как Россия понимает стратегическую конфронтацию» отмечает, что Кремль продолжает играть важную роль в идеологическом конфликте между демократическим Западом и его противниками. Он иллюстрирует

это на примере использования термина «англосаксы» в российской пропаганде. Его значения открыты, динамичны и постоянно эволюционируют, а применение, как правило, зависит от контекста. Этот термин символизирует «коллективный Запад», якобы намеревающийся дестабилизировать Россию. Предполагаемую угрозу, исходящую от «англосаксов», используют для оправдания политического выбора, легитимизации внутреннего порядка, описания альтернативной геополитической идентичности России и проецирования её видения предпочтительного мирового порядка. В статье описаны три основных значения понятия «англосаксов» в официальном дискурсе:

- 1) «англосаксонские атлантисты» и «коллективный Запад»;
- 2) «англосаксонский рейх», означающий «фашистскую англосаксонскую элиту» и «обычных нацистов»; и
- 3) «англосаксы» как «пятая колонна» и «иностранные агенты».²³

Антизападная пропаганда Кремля находит отклик не только в странах Глобального Юга, но и у части западных обществ, поэтому Россия сохранит своё влияние на международной арене в этой области.

Европейский Союз, возможно, самый непонятный субъект международной политики из-за его неуловимого характера – уже не просто сообщество государств, но и не национальное государство. Катрин Бастиан подробно останавливается на преобладающем в Брюсселе взгляде на стратегическое соперничество в своей статье «Европейский Союз и стратегическое соперничество». Европейский Союз видит мир многополярным, в котором растёт политическое и экономическое влияние стран Глобального Юга, а США соперничают с Китаем. ЕС ставит во главу угла сотрудничество, компромисс и многостороннее взаимодействие. Евросоюз и его страны-участницы поддерживают этот подход к международным отношениям. Однако в условиях стратегического соперничества в области безопасности Евросоюз, как крупнейший в мире торговый блок, должен отстаивать свою роль. Ответом ЕС на сложности меняющегося мира, по-видимому, является «стратегическая взаимозависимость».²⁴

Несмотря на некоторые различия в мировоззрении, Европейский Союз и Индия едины в том, что сейчас формируется многополярный мировой порядок. В статье «Ставка на Индию и её роль в стратегическом противостоянии США и Китая» Винай Каура рассматривает место и роль Индии в условиях стратегического соперничества. Анализ стратегического видения Индии, в частности, меняющейся динамики её двусторонних связей со США,

²³ Graeme Herd, "The Atlanticist Anglo-Saxon Reich and All That: How Russia Understands Strategic Confrontation," *Connections: The Quarterly Journal* 23, no. 2 (2024): 44-69, <https://doi.org/10.11610/Connections.23.2.04>.

²⁴ Katrin Bastian, "The European Union and Strategic Competition," *Connections: The Quarterly Journal* 23, no. 2 (2024): 70-89, <https://doi.org/10.11610/Connections.23.2.11>.

Китаем и Россией, показывает, что внешняя политика Дели в отношении Вашингтона всё больше формируется под влиянием событий в Южной Азии и Индийском океане, а также меняющейся динамики отношений США с ключевыми странами Азии. Индия взяла на себя заметную роль в усилиях Вашингтона по поддержанию основанного на правилах международного порядка в Индо-Тихоокеанском регионе. Обе стороны использовали наличие ряда общих ценностей для углубления взаимодействия, чему способствовали и прагматические соображения. В то же время сохранение тесных отношений с Россией остаётся стратегической необходимостью для Индии. Однако подход Дели к стратегическому соперничеству США и Китая заметно изменился, отражая изменение восприятия Индией Китая – от партнёра к угрозе безопасности.

Влияние региональной динамики на результат стратегического соперничества

Четыре статьи этого выпуска *Connections* анализируют внутреннюю динамику различных регионов, способных существенно повлиять на результаты стратегического соперничества в мире. Так называемый Индо-Тихоокеанский регион часто считают главным в этом отношении. Многочисленные этнические, территориальные и морские споры там не только угрожают дестабилизацией отдельных государств и региона, но и представляют риски для международной системы. Соперничество Китая и США добавляет ещё один уровень сложности к этой региональной динамике. Зелел Гарсия исследует роль Индо-Тихоокеанского региона в более широком контексте стратегического соперничества, анализируя взгляды и интересы ключевых региональных игроков. Он утверждает, что эти игроки реализуют свой суверенитет, смягчая или используя соперничество между Китаем и США для продвижения своих интересов. Раскрывая сложные реалии региона, он оспаривает формирующийся дискурс Холодной войны 2.0, предполагающий, что Вашингтон и Пекин формируют два сплочённых блока, конкурирующих за влияние.

Стратегическое соперничество разворачивается и в других регионах мира. В мировой геополитике, геоэкономике и стратегии заметное место занимает Черноморский регион. В статье «Навигация в трилемме (без)опасности: стратегическое соперничество в Чёрном море» Виктория Вдовиченко, Наталия Албу и Ника Читадзе вводят понятие стратегических трилемм в Причерноморье, с активным участием Турции, Украины и прозападных прибрежных государств (Румынии, Болгарии и Грузии) с одной стороны, и России с другой. Сложная, динамичная геополитическая картина региона создаёт ряд трилемм для основных игроков. Хотя влияние России остаётся проблемой, потенциал ограничения её доминирования и развития сотрудничества между западными странами и государствами Причерноморья создаёт возможности двустороннего и многостороннего взаимодействия на этом критическом геополитическом театре.

Крайний Север привлёк внимание из-за изменения климата, появления новых морских путей и новых возможностей для добычи природных ресурсов. Статья Рэйчел Госнелл «Разделённая Арктика: будет 'ледовый занавес'?» анализирует факторы, способствующие расширению сотрудничества между странами-единомышленниками Западной Арктики, а также между Россией и Китаем. Изменение климата стало важнейшим фактором региональной активности, тенденции потепления влияют на экономическое развитие, инфраструктуру и военную деятельность в регионе. Поскольку санкции Запада ограничивают технологическое и экономическое сотрудничество с Россией, Китай оказался в выгодном положении и может заполнить этот пробел. Однако появление «ледяного занавеса», отделяющего страны-единомышленники в Арктике от арктического союза России с Китаем, не предreshено. Во-первых, хотя в североевропейских столицах понимают исходящую от России угрозу, их подход к Китаю отличается от Вашингтонского. Во-вторых, остаётся неясным, решится ли Россия передать ключи от своего арктического королевства Китаю, или будет добиваться политического урегулирования в Украине.

Напротив, Африку часто считают периферийной ареной стратегического соперничества между великими державами. Эту точку зрения оспаривают Эликем Фиамавле, Аида Мари Стефани Науле и Мартин Шустер в своей статье «События в мире предвещают возникновение нового порядка в результате стратегического соперничества, считают в Западной Африке». Они утверждают, что перспективы многополярного международного порядка повлияли на взаимодействие стран Африки с остальным миром. Африканские государства вступили в эпоху выбора. Нарративы, некогда изображавшие Африку «Чёрным континентом», сменяются представлением о «восходящем континенте», взаимодействующем со всё большим числом незападных игроков, в основном с развивающимися странами, включая Китай, государства Персидского залива, Индию и Турцию. Некоторые африканские правительства развивают экономические, дипломатические и оборонные связи с Россией. Возобновление интереса России к Африке обусловлено её стремлением к статусу глобальной державы. Богатые стратегические ресурсы Африки и многообещающие перспективы роста дают её лидерам немалое влияние в современной геополитике. Поэтому авторы утверждают, что роль Африки в стратегическом соперничестве не следует недооценивать. Отношения Африки с политическим Западом были сложными и принесли как положительные, так и отрицательные последствия для континента. Разочарование африканцев в странах Запада проистекает из понимания иллюзорности связи демократии с развитием и экономическим ростом. Формирование доверия и авторитета требует большей прозрачности интересов США и Европы, политической последовательности и согласования предложений Запада с потребностями Африки.

Гибридные угрозы, как особая проблема для Запада

Африка, в частности, демонстрирует, что политическому Западу бросают вызов не только в военно-политической области. Так, мощным гибридным оружием противников Запада в стратегическом соперничестве стала пропаганда и дезинформация. Эта тактика находит большой отклик, особенно в регионах, где западные обещания прогресса и процветания остаются невыполненными, усиливая антизападные нарративы. В своей статье «Гибридные угрозы и стратегическое соперничество» Хезер Грегг утверждает, что способность государственных и негосударственных субъектов напрямую влиять на население посредством быстрых скрытных действий знаменует отход от предыдущих форм стратегического соперничества. Эти гибридные угрозы прямо угрожают суверенитету государств и представляют собой ключевую отличительную черту современного соперничества. В её статье отмечена важность повышения устойчивости населения для противодействия таким гибридным угрозам.

Стратегическое соперничество с Китаем и Россией также предполагает борьбу за поддержку стран в других частях света. Статья Фалька Теттвайлера «Стратегическое соперничество и война нарративов с позиций социальной философии» подробно рассматривает часто недооцениваемую роль стратегических нарративов. Обобщая ключевые моменты стратегических нарративов Китая, России и США, он анализирует возможные последствия конфронтационного мышления для способности человечества решать важнейшие проблемы глобальной безопасности. Чрезмерный акцент на стратегическом соперничестве может усугубить дилемму конкуренции при необходимости сотрудничества. Руководители, принявшие конфронтационное мышление, должны найти тонкий баланс. К сожалению, восприятие реальности руководством России, основанное на страхе и угрозах, оставляет мало места для уступок или компромиссов. Поэтому российское руководство в настоящее время является главным препятствием и угрозой для совместного решения глобальных проблем.

Наконец, в статье Ролфа Ролоффа рассмотрены общие экономические тенденции, существенно влияющие на результат мирового стратегического соперничества. Рост напряжённости из-за стратегического соперничества, геополитических сдвигов и внешних потрясений, включая мировой финансовый кризис 2008-2009 гг., пандемию COVID-19 2020-2021 гг. и войну России против Украины с февраля 2022 года, оказывают сильное давление на мировую экономику. Международная торговля, прямые иностранные инвестиции и глобальные цепочки создания стоимости перенаправляются, диверсифицируются и избавляются от рисков. Это ведёт не к деглобализации, а к «фрагментации и интеграции» мировой экономики на региональном и глобальном уровнях. Мировая экономика не разъединена, она остаётся тесно взаимосвязанной, но в этой «фрагментировано-интегрированной» мировой экономике экономическую взаимозависимость всё чаще используют как оружие во всех секторах многосторонней системы.

Подводя итог, можно сказать, что обсуждение стратегического соперничества Китая со США, а также двуполярности и многополярности не полностью охватывает разнообразные политические, военные и экономические изменения на глобальном и региональном уровнях. Международная система становится всё более волатильной, сложной и фрагментированной. В эту «эпоху выбора» неприсоединившиеся страны находятся в положении, позволяющем договариваться с разными заинтересованными странами и в конечном счёте выбирать лучшее из разных миров в каждом конкретном случае. Кроме того, формирующаяся новая картина даёт региональным державам, традиционно связанным с политическим Западом, таким, как Саудовская Аравия и Турция, больше возможностей для манёвра и достижения стратегической самостоятельности.

Заключение

Стратегическое соперничество не сводится к противостоянию двух сверхдержав и их союзников. Это также соревнование за поддержку неприсоединившихся стран, не принадлежащих ни к политическому Западу, ни к группе его соперников, таких, как Китай, Иран, Северная Корея и Россия. Хотя внимание Запада к брошенному Китаем вызову может выглядеть оправданным, оно ограничивает более широкое и глубокое понимание других важных тенденций и динамики стратегического соперничества в разных регионах мира. Признание реалий более сложной картины мира позволяет по-новому посмотреть на политические и экономические проблемы, которые нам предстоит решить, и облегчает анализ подходов Запада к преодолению отчуждения от неприсоединившихся стран. Поэтому политический Запад поступил бы мудро, признав оценки и потребности этой «целевой аудитории».²⁵

В этом контексте и Китай, и Россия являются противниками Запада. Нарратив России представляет собой токсичную смесь радикальной геополитики и возмущения Западом. Как ни странно, этот нарратив довольно популярен на Глобальном Юге, хотя Кремль явно пытается разделить мир на зоны влияния, контролируемые несколькими великими державами. С другой стороны, нарратив Китая прочно основан на принципах государственного суверенитета и отказа от «вмешательства извне» – по-видимому, за исключением Украины. Как и российский нарратив, он находит отклик во многих странах Глобального Юга. Но кроме этого, Китай, похоже, предлагает нечто большее: реальную экономическую альтернативу Западу.²⁶

²⁵ Katrin Bastian et al., “Perspectives on Strategic Competition,” George C. Marshall Center Policy Brief No. 1, November 2024, <https://www.marshallcenter.org/en/publications/policy-briefs/perspectives-strategic-competition>.

²⁶ Elizabeth Economy, “China’s Alternative Order: And What America Should Learn from It,” *Foreign Affairs* 103, no. 3 (May/June 2024), www.foreignaffairs.com/china/chinas-alternative-order-xi-jinping-elizabeth-economy.

На этом фоне политический Запад должен вернуть себе инициативу и активно продвигать своё конкурентное преимущество. Он должен признать, что любой подход, вовлекающий неприсоединившиеся страны посредством дипломатии на основе ценностей, будет надежнее и устойчивее меркантильных альтернатив, предлагаемых его оппонентами²⁷. В этой связи особенно важна Индия. Она видит себя лидером и «мостом между Севером и Югом», сторонником поддержания и дальнейшего развития основанного на правилах либерального мирового порядка. США отмечают эту роль в своей Совместной региональной стратегии для Южной Азии, Евросоюз тоже предпринял шаги по укреплению связей с Индией. Бóльшая поддержка Индии также могла бы принести пользу региону и улучшить восприятие Запада на Глобальном Юге. Поощрение развития дополнительного полюса в Южной Азии и, соответственно, содействие основанному на правилах либеральному мировому порядку на основе тесного сотрудничества США, Европы, Индии, Японии и других заинтересованных стран могло бы помочь сдерживать двусторонние конфликты и снизить напряжённость на глобальном и региональном уровнях.²⁸

«Однополярный момент», определявший международную систему после распада Советского Союза, подошёл к концу. В частности, Соединённым Штатам необходимо адаптировать свою политику к этой новой реальности. Однако европейские государства и Евросоюз тоже должны подумать о том, как позиционировать себя в этом контексте, и решить какую политику проводить. Речь идет не о дистанцировании от США; скорее, европейцы должны спросить себя, какую роль им следует играть в стратегическом соперничестве вместе со своими трансатлантическими и индо-тихоокеанскими партнёрами.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Франк Хагеманн – заместитель по научной работе декана Колледжа исследований международной безопасности Европейского центра исследований в области безопасности им. Дж. Маршалла.

²⁷ Graeme P. Herd, Falk Tettweiler, Katrin Bastian, and Frank Hagemann, “‘Normative Strategic Competition in an Era of Choice,’ Symposium Aide Memoire, Federal Ministry of Defence, Berlin, 14 March 2023,” *The Clock Tower Security Series*, George C. Marshall European Center for Security Studies, March 2023, www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-security-series/normative-strategic-competition-era-choice/normative-strategic-competition-era-choice.

²⁸ Bastian et al., “Perspectives on Strategic Competition.”

Библиография

- "Is There Really a Cold War 2.0? Inside the Debate on How to Think about the U.S.-China Rivalry," *Foreign Policy*, June 11, 2023, <https://foreignpolicy.com/2023/06/11/new-cold-war-2-us-china-russia-geopolitics/>.
- Aydıntaşbaşı, Asli, et al., "Strategic Interdependence: Europe's New Approach in a World of Middle Powers," *Policy Brief*, European Council on Foreign Relations, October 3, 2023, <https://ecfr.eu/publication/strategic-interdependence-europes-new-approach-in-a-world-of-middle-powers/>.
- Bastian, Katrin, "The European Union and Strategic Competition," *Connections: The Quarterly Journal* 23, no. 2 (2024): 70-89, <https://doi.org/10.11610/Connections.23.2.11>.
- Bastian, Katrin, et al., "Perspectives on Strategic Competition," *George C. Marshall Center Policy Brief* No. 1, November 2024, <https://www.marshallcenter.org/en/publications/policy-briefs/perspectives-strategic-competition>.
- Brooks, Stephen G., and William C. Wohlforth, "The Myth of Multipolarity: American Power's Staying Power," *Foreign Affairs* 102, no. 3 (2023), <https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-multipolarity-myth>.
- Campbell, Andrew M., "Contending with a Rising China: A Comparative Study of Middle-Power Strategies in the Indo-Pacific," *Journal of Indo-Pacific Affairs* 6, no. 1 (2023): 49-74. https://media.defense.gov/2023/feb/02/2003154179/-1/-1/1/_jipa_january-february%202023.pdf.
- Colby, Elbridge, "The Return of Strategic Competition: How to Execute and Sustain the National Security Strategy," in *The Future of Conservative Internationalism*, collection of essays delivered in Beaver Creek, Colorado, in July 2019, Reagan Institute Strategy Group, <https://www.reaganfoundation.org/reagan-institute/publications/the-return-of-strategic-competition-how-to-execute-and-sustain-the-national-security-strategy/>.
- Economy, Elizabeth, "China's Alternative Order: And What America Should Learn from It," *Foreign Affairs* 103, no. 3 (May/June 2024), www.foreignaffairs.com/china/chinas-alternative-order-xi-jinping-elizabeth-economy.
- Ferguson, Niall, "America, China, Russia, and the Avalanche of History," *Bloomberg*, May 20, 2022, <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-05-20/niall-ferguson-america-china-russia-and-the-avalanche-of-history>.
- Gaddis, John Lewis, *The Cold War: A New History* (New York: The Penguin Press, 2005).
- Herd, Graeme P., Falk Tettweiler, Katrin Bastian, and Frank Hagemann, "'Normative Strategic Competition in an Era of Choice,' Symposium Aide Memoire, Federal Ministry of Defence, Berlin, 14 March 2023," *The Clock Tower Security Series*, George C. Marshall European Center for Security Studies, March 2023, <https://www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-security->

series/normative-strategic-competition-era-choice/normative-strategic-competition-era-choice.

- Herd, Graeme, "The Atlanticist Anglo-Saxon Reich and All That: How Russia Understands Strategic Confrontation," *Connections: The Quarterly Journal* 23, no. 2 (2024): 44-69, <https://doi.org/10.11610/Connections.23.2.04>.
- Holmila, Antero, "Re-thinking Nicholas J. Spykman: From Historical Sociology to Balance of Power," *The International History Review* 42, no. 5 (2019): 951-966, <https://doi.org/10.1080/07075332.2019.1655469>.
- Khan, Amjad Abbas, "Security Environment in South Asia: The Role of the Shanghai Cooperation Organisation," in *China and South Asia: Changing Regional Dynamics, Development and Power Play*, ed. Rajiv Ranjan and Guo Changgang (London: Routledge India, 2021), 97-107.
- Khanna, Parag, *The Second World: How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-first Century* (New York, NY: Random House, 2009).
- Lynch, Thomas F., "Major Findings on Contemporary Great Power Competition," in *Strategic Assessment 2020: Into a New Era of Great Power Competition*, ed. Thomas F. Lynch III (Washington, D.C.: NDU Press, November 2020), <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2404283/major-findings-on-contemporary-great-power-competition/>.
- Mackinder, Halford, "The Geographical Pivot to History," *The Geographical Journal* 23, no. 4 (1904): 421-437, <https://doi.org/10.2307/1775498>.
- Mahbubani, Kishore, "Asia's Third Way: How ASEAN Survives—and Thrives—Amid Great-Power Competition," *Foreign Affairs* 102, no. 2 (March/April 2023), <https://www.foreignaffairs.com/southeast-asia/asias-third-way-asean-amid-great-power-competition>.
- Mastny, Vojtech, "The Soviet Union's Partnership with India," *Journal of Cold War Studies* 12, no. 3 (2010): 50-90, https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00006.
- Mazarr, Michael J., Bryan Frederick, and Yvonne K. Crane, "Understanding a New Era of Strategic Competition," *Research Report RR-A290-4* (Santa Monica, CA: RAND, November 2022), <https://doi.org/10.7249/RRA290-4>.
- Nageswaran, V. Anantha, and Gurvinder Kaur, "Don't Bet Against India: New Delhi's Brewing Economic Comeback," *Foreign Affairs* 102, no. 1 (January-February 2023), <https://www.foreignaffairs.com/india/dont-bet-against-india>.
- OECD, *Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2024: Developing amid Disaster Risks* (Paris: OECD Publishing, 2024), <https://doi.org/10.1787/3bbe7dfe-en>.
- Paul, Christopher, et al., "The Role of Information in U.S. Concepts for Strategic Competition," *Research Report RR-A1256-1* (Santa Monica, CA: RAND, 2022), 8-12, <https://doi.org/10.7249/RRA1256-1>.
- Puglierin, Jana, and Pawel Zerka, "Keeping America Close, Russia Down, and China Far Away: How Europeans Navigate a Competitive World," *Policy Brief*,

- European Council on Foreign Relations, June 7, 2023, <https://ecfr.eu/publication/keeping-america-close-russia-down-and-china-far-away-how-europeans-navigate-a-competitive-world/>.
- Ranjan, Amit, "India's Foreign Policy: Shift, Adjustment and Continuity," *The Round Table* 111, no. 3 (2022): 381-384, <https://doi.org/10.1080/00358533.2022.2082737>.
- Spykman, Nicholas J., *The Geography of the Peace* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1944).
- Waltz, Kenneth N., *Theory of International Politics* (Reading, MA: Addison-Wesley, 1979).
- Wilkins, Thomas, "Middle Power Hedging in the Era of Security/Economic Disconnect: Australia, Japan, and the 'Special Strategic Partnership'," *International Relations of the Asia-Pacific* 23, no. 1 (2023): 93-127, <https://doi.org/10.1093/irap/lcab023>.
- Winkler, Stephanie Christine, "Strategic Competition and US-China Relations: A Conceptual Analysis," *The Chinese Journal of International Politics* 16, no. 3 (Autumn 2023): 333-356, <https://doi.org/10.1093/cjip/poad008>.